

**Н.А. Магомедов,
Ш.А. Магарамов**

**ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН В ПЕРИОД НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КAVКАЗА
В 20–50-х гг. XIX в.**

Уровень социально-экономического и общественно-политического развития, достигнутый народами Южного Дагестана в первой половине XIX столетия, а также наличие экономических связей с Россией, Турцией и другими державами свидетельствовали о том, что Южный Дагестан все активнее втягивался в ход мировой истории.

События, происходившие внутри дагестанского общества, все явственнее оказывали влияние на политику соперничавших держав. История народов Южного Дагестана стала определяться не только развитием внутренних закономерностей, но и во многом изменяющимся внешнеполитическим положением.

Важным фактом, изменившим положение народов Южного Дагестана, стала развернувшаяся борьба в 20-х – 50-х гг. XIX в. в горах Дагестана и Чечни под флагом кавказского мюридизма. Это героическое и в то же время трагическое событие с самого своего начала было направлено против политики царской России, проводимой на Кавказе. Энергичные действия «проконсула Кавказа» генерала Ермолова по насаждению нового политического правопорядка углубили классовую и внутриклассовую борьбу, до предела взбудоражили общественное мнение всего региона.

Однако мы не можем не отметить, что проводимой самодержавием политической были недовольны феодальные круги, которые никак не хотели расставаться с политической властью и с институтами, поддерживавшими их привилегии. С этой целью феодальные правители Аварии, Кайтага, Казикумуха, Южного Дагестана и другие сумели организовать антицаристские выступления. Но они были легко подавлены войсками. Не угодившие царскому правительству владетели были отстранены от власти, на их места назначены феодалы, придерживавшиеся прорусской ориентации. Естественно, что отстраненные от власти феодалы и их окружение были недовольны действиями кавказского командования и мечтали вернуть утраченные привилегии и восстановить выгодные для них положение, феодальные порядки с вытекающими отсюда последствиями.

Враждебно было настроено к царизму и местное мусульманское духовенство, за исключением небольшой его части, перешедшей на службу к царизму. Роль мусульманского духовенства в дагестанском обществе определялась не только его многочисленностью, но главным образом и позициями, которые оно занимало в горских обществах. Кроме того что духовенство контролировало духовную и обыденную жизнь горцев, в ряде мест оно прибрало к рукам и светскую власть. Мусульманское духовенство и ранее было против включения Дагестана в состав России, поскольку сам факт перехода мусульман под покровительство страны, где государственной религией было христианство (православие), расценивался му-

сульманским духовенством как посягательство на его авторитет и влияние. Меры Ермолова еще больше убедили их в этом.

Политикой царизма недовольны были и широкие народные массы Северо-Восточного Кавказа. Отстранив от политической власти феодальных владетелей, самодержавие оставило неприкосновенными существовавшие до этого порядки во внутреннем управлении феодальных владений. Мало того, создавая себе социальную опору, царизм всячески поддерживал эксплуататорские устремления феодалов, оказывая им всевозможную помощь и поддержку. Неграмотным феодалам присваивались высокие воинские и пожизненные пенсии, ежегодные жалования в размере 2–6 тыс. руб. Широко практиковалась раздача земель и даже целых деревень в управление феодалам. Словом, делалось все, чтобы не ущемить феодальных владетелей. Характерным в этом плане является заявление генерала Ермолова. «За себя и детей своих, – писал он шамхалу Тарковскому, – можешь не беспокоиться. Теперь власть шамхала будет более уважаема и соседи понимают, что значит могущественное покровительство великого государя» (*Гаджиев В.Г.*, 1994. С. 29).

Понятно, что, имея могущественную поддержку, феодалы начали широкое наступление на общинные права. Уверенные в поддержке кавказского командования, феодалы стали еще более деспотично обращаться с подвластным населением. Не считаясь ни с чем, они решали дела, выносили жестокие приговоры и тут же приводили их в исполнение. Нередки были случаи, когда по одной лишь прихоти владетели без суда и следствия людей ссылали во внутренние губернии страны. Все это вызывало недовольство народных масс своими владетелями и их покровителем – самодержавием. «После покорности дагестанских племен, – заметил А. Руновский, – мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установлением там порядка не только не прекратили тиранию владетелей, но и предоставили управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть...» (*Военный сборник*, 1915. С. 680). Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских как на своих избавителей, поняли, что горько обманулись. Кроме того, практиковались необдуманные меры правительств, такие, как принуждение горцев работать по прокладке дорог, выставлять по требованию властей лошадей, подводы для перевозки различных грузов, нести почтовую службу и др.

Недальновидной была политика кавказского командования. Без всякого выяснения, чаще всего по вине отдельных лиц применяли блокаду целых районов, запрещали свободный проезд горцам в равнинную часть Дагестана, Закавказье и на Северный Кавказ. В случае же нарушения этого запрета власти арестовывали горцев, а привезенные ими товары конфисковывали. В блокированные зоны запрещалось ездить купцам. Эта мера воздействия крайне отрицательно сказывалась на экономике края, ставила горцев в довольно стесненное положение.

Тем не менее запреты и притеснения продолжались. Положение основных масс населения усугублялось и произволом, злоупотреблением и взяточничеством офицеров и чинов кавказской администрации, а также их невниманием к обычаям, правам и традициям горцев. Поскольку рост феодальной эксплуатации и гнет самодержавия происходили одновременно и в тесном переплетении с ужесточением политики самодержавия, естественно, что антифеодальный протест сливался с антиимперской борьбой. Нередко даже недовольство феодальным гнетом отходило на второй план, уступая первое место национальному протесту.

Итак, сложившейся ситуацией были недовольны и широкие народные массы (горское крестьянство, ремесленники, торговцы), узденская аульская верхушка и часть феодалов и мусульманского духовенства. Однако цели, которых добивались различные социальные слои, были совершенно различны. В то время как народные массы желали освободиться от феодального деспотизма и все усиливающегося гнета самодержавия, верхи надеялись, используя недовольство народа, всячески укрепить свое положение. Феодалы жаждали вернуть утраченные позиции, а мусульманское духовенство и поддерживающая их аульская верхушка стремились, оттеснив феодалов как плохих мусульман, предавшихся царизму, взять в свои руки духовную и политическую власть. Однако, вступая в жестокую борьбу с самодержавием, они и не думали сменить власть России господством Оттоманской Порты и шахского Ирана.

В этих до предела накаленных условиях классовых и национальных противоречий на рубеже 30-х гг. XIX в. возникло движение горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля. По своему национальному и социальному составу оно не было однородным. Х.-М. Хашаев отмечал, что в движении под предводительством Шамиля не принимали участие даргинцы, лезгины, табасаранцы и другие народы Южного Дагестана. Он прав только в том, что базой движения и основной территорией имамата были Авария и Чечня. Но это не значит, что в национально-освободительном движении не принимали участие народы, населяющие Южный Дагестан, они не остались глухи к многолетней борьбе.

Общеизвестно, что в движении принимали самое активное участие все народы Южного Дагестана. Джамааты Шиназа, Цахура, Ахты, Хучни и другие часто получали письма Шамиля, в которых имам высказывал надежду на поддержку. Так что выступление табасаранцев, рутулов, цахуров и самурских лезгин – это не случайное явление. Зависимость от России не устраивала ни беков, ни узденей, ни райятов Южного Дагестана. Недовольством были охвачены как районы Южного Дагестана, так и Кубинский, Нухинский и Джаро-Белоканский округа Азербайджана. Это недовольство завершилось Кубинским восстанием 1837 г., самое активное участие в котором принимали и жители Южного Дагестана во главе с Агабеком Рутульским и Малла-шейхом Ахтынским.

Ситуация во владениях Южного Дагестана очень тревожила царских генералов, поэтому для сохранения там спокойствия царское командование вынуждено было срочно снять часть сил, действовавших против Шамиля, и направить их для подавления волнений в Южном Дагестане. Как отмечает Н.А. Добролюбов, «в сентябре 1837 г. русские вынуждены были удалиться из Аварии, чтобы подавить волнения, обнаружившиеся в это время в Южном Дагестане» (*Добролюбов Н.А.*, 1962. С. 437). По словам Д.А. Милютин, «волнение в Табасаране, Кайтаге и Самуре... отвлекло войска от Северного Дагестана и генерал Фезе должен был спешить в Южный Дагестан» (*Милютин Д.А.*, 1850. С. 19). Восставшие потерпели поражение под Аджиахуром от генерала Фезе и потеряли убитыми 800 человек (*Юров А.*, 1884. С. 210).

В «Очерке положения военных дел на Кавказе...» отмечено, что «в 1838 г. Верхний Табасаран и Каракайтаг были в открытом неповиновении, как и остальные части Дагестана» (Очерк..., 1884. С. 280). В 1839 г. восстали жители Ахтов, Борча, Хнова, Рутула. В том же году в мае с низовьев Самура двинулись крупные силы под командованием генерала Головина, а отдельный отряд под командованием генерала Симборского был отправлен для наказания Хнова и Борча. Ито-

гом этого похода было взятие Ахтов, Хнова и Борча. В течение последующих 10 лет жители Самурской долины не прерывали переписку с Шамилем, хотя открыто выступать они не могли, ибо после событий 1837–1839 гг. были оставлены в Ахтах, Рутуле и Лучеке гарнизоны царских войск.

Антиколониальная борьба горцев Южного Дагестана обострялась под непосредственным влиянием борьбы остальных дагестанских горцев.

Хотя царизм предпринимал меры, чтобы волнения в Аварии не проникали в сопредельные общества, все же успехи, одержанные Шамилем, не могли не оказать влияния на антиколониальную борьбу в Южном Дагестане. «Восстание, начавшееся в Гумбете и Анди, – отмечал генерал Граббе, – распространяясь в Аварии, Андалале и других обществах, разлилось в Казикумухском и Кюринском ханствах, Акуша, Каракайтаг, Табасаран вольные Самурские общества находятся в сильном волнении» (*Гаджиев В.Г.*, 1957. С. 122).

В зените своих побед имам Шамиль решил включить в состав имамата Самурскую долину, Кубинскую провинцию и Табасаран (*Гасанов М.Р.*, 1997. С. 22).

Сложившаяся обстановка в Южном Дагестане убедила Шамиля в том, что надо собрать в один кулак значительные силы и, не давая опомниться царскому командованию, двинуться в Южный Дагестан и нанести сокрушительный удар царским войскам, дислоцированным в данном регионе. И для этого было полное основание, так как царское командование не в состоянии было за короткое время собрать воедино свои войска и противопоставить их отряду горцев, и Шамиль, конечно, об этом знал (*Кавказский сборник*, 1883. С. 550).

5 сентября 1848 г. с конным отрядом в 4 тыс. человек Даниял-бек прибыл в Шиназское ущелье. За ним двигались два отряда, один из них шел правым берегом Самура в направлении с. Амсар, а другой – в Ачи-Дарго, Ихрекское ущелье. Жители сел и находившаяся там милиция сдались. Их примеру 6 – 7 сентября последовали ряд сел Рутульского магала. Узнав об этом, начальник Самурского округа полковник Рот решил организовать сопротивление наступающим горцам, но оно не имело успеха. Тем временем наиб Шамиля Хаджи-Мурат вошел в Рутул.

Беспрепятственное, по существу, движение отрядов имама Шамиля встревожило кавказское командование. Все воинские начальники лихорадочно принялись готовить войска к борьбе. Были вызваны даже отряды, дислоцированные в Северном Азербайджане. Письмо Даниял-бека к имаму создало благоприятную обстановку для продолжения наступления. «До сих пор, – говорилось в нем, – дела наши идут, как мы хотели. Рутульцы уже в наших руках. Потом жители Ахтов и других сел желают перейти на нашу сторону и приглашают нас к себе. Многие ахтынцы и жители других селений перешли к нам. Со стороны врагов слышны противоречивые известия. Мы отправляемся к подступам Ахтов, внимая их просьбам, а вообще население очень хочет, чтобы вы приехали к нам» (*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50-х гг. XIX в.*, 1959. С. 578). Все это обрадовало Шамиля, он понял, что самое время объявиться на театре военных действий и лично командовать наступлением. Так он и поступил. 12 сентября он прибыл в Рутул. Как и положено, у имама собрались все представители отрядов, назначенных к наступлению. На этом совещании Шамиль изложил поставленную задачу и предложил основательно подготовиться всем и, не теряя времени, ускоренно двинуться на Ахты и занять его. Он хорошо понимал, что выполнить эту нелегкую операцию необходимо в кратчайшие сроки, используя отсутствие в Южном Дагестане основных сил отряда генерала Аргутинского. На следующий

же день имам Шамиль направился в с. Ахты, жители которого горели желанием встретиться с ним (*Мусаев Г.М.-С.*, 1994. С. 234).

Одновременно начал наступление и Хаджи-Мурат со своей конницей. Заняв курахскую дорогу, он дошел до Хазры, что в 45 км ниже от Ахтов. Даниял-бек, продвигаясь по правому берегу реки Самур, вступил в ущелье Ахты-Чая и стал у минеральных источников.

Вся долина р. Самур (Ахтыпаринский, Алтыпаринский, Докузпаринский и Рутульские союзы сельских общин) оказалась в руках имама (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50-х гг. XIX в., 1959. С. 579). Лишь укрепление с небольшим гарнизоном во главе с полковником Ротом продолжало оставаться независимым. Оставалось как будто самое малое – уничтожить укрепление Ахты, расположенное на правом берегу Самура, в километре от старого селения Ахты. Однако эта задача оказалась для горцев не из легких.

Отряды Шамиля обложили укрепление, которое состояло из 5 фасов, связанных между собой 5 батареями. Характерно, что каждая из этих батарей могла сражаться отдельно. Единственным недостатком крепости, пожалуй, была малочисленность гарнизона.

13 сентября горцы предприняли мощный штурм крепости. Обороняющиеся понесли чувствительный урон, было убито 20 и ранено 32 человека. Был ранен также сам полковник Рот. Собравшиеся в подвале укрепления защитники по предложению полковника дали клятву ни при каких обстоятельствах крепость не сдавать, в крайнем случае, взорвать. На следующий день с самого раннего утра горцы начали массированный артиллерийский огонь по укреплению, в свою очередь чуть ли не со всех крепостных орудий оборонявшиеся ответили мощным ударом по местам дислокации горцев. Эта артиллерийская пальба продолжалась несколько часов. И вот где-то к полудню раздался страшной силы мощный взрыв, как бы подземный удар, сопровождавшийся необычным шумом и треском. Над крепостью поднялась дымовая завеса, закрывшая все укрепление. Обе воюющие стороны не знали причину взрыва, а когда завеса рассеялась, выяснилось, что в крепости взорвался погреб с четырьмястами пудами пороха и множеством снарядов. Этот взрыв нанес огромной силы урон крепости, разрушил в ряде мест оборонительные стены. По существу, ни одна из стен не осталась целой. «Если бы в эту минуту, – писал Н. Волконский, – неприятель был подготовлен к штурму и не медля двинулся на укрепление, то участь его была бы решена окончательно и навсегда» (Кавказский сборник, 1883. С. 571). Однако время было упущено, промедление и нерасторопность самих наибов не позволили Шамилю добиться желаемого (*Мухаммед-Тахир ал-Карахи*, 1926. С. 210). Опомнившиеся от этого удара осажденные быстро оправились, и умело использовали представившуюся им возможность – они забросали образовавшуюся в крепостной стене брешь мешками с мукой, и тем самым обезопасили себя. Горцы продолжали штурм, но были встречены шквальным огнем крепостной артиллерии. В итоге этого сражения горцы потеряли более 1500 человек (*Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. С. 223).

После такой неудачи Шамиль отступил в Рутул, куда двигались и войска генерала Аргутина, в составе которого было 9 батальонов пехоты, 10 горных орудий, 2 взвода ракет, рота стрелков, дивизион драгун и 3 сотни казаков. Эту надвигающуюся на них лавину горцы были не в состоянии удержать. Не выдержав все усиливающийся напор царских войск, горцы отступили. Очевидно, имам, поняв, что битва проиграна и что эта неудача является последней в Самурском

округе, счел необходимым ретироваться и притом ускоренным шагом, поскольку можно было оказаться в куда более значительно затруднительном положении.

Таким образом, вопреки утверждениям некоторых историков, народы Южного Дагестана, как и все остальные народы Кавказа, принимали самое активное участие в народно-освободительной борьбе 20–50-х гг. XIX в. и не оставались в стороне от многолетней борьбы горцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Военный сборник, 1915. № 2–5. СПб.
- Гаджиев В.Г.*, 1957. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
- Гаджиев В.Г.*, 1994. Социально-политические причины, движущие силы и характер движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 1829–1859 гг. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала.
- Гасанов М.Р.*, 1997. Табасаран в период борьбы горцев в 20–50-е гг. XIX в. против царизма. Махачкала.
- Добролюбов Н.А.*, 1962. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Собрание сочинений. Т. 5.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.: Сборник документов, 1959. Махачкала.
- Кавказский сборник, 1883. Т. 7.
- Милютин Д.А.*, 1850. Описание военных событий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.
- Мусаев Г.М.-С.*, 1994. Участие рутулов в Кавказской войне // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала.
- Мухаммед-Тахир ал-Карахи*, 1926. Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.45. Тифлис.
- Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. 1884 // АКАК. Т. IX. Тифлис.
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала.
- Юров А.*, 1884. Три года на Кавказе (1837–1840 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8. Тифлис.